

Владимир Михайлов

Эвтанатор

*Часть сборника
Закон Дальнего космоса
(сборник)*

Владимир Михайлов

Эвтанатор

«Автор»

2007

Михайлов В. Д.

Эвтанатор / В. Д. Михайлов — «Автор», 2007

«Местом обитания Орлена Кордо в те дни была Середина. Если бы его спросили: «Середина чего?» – он лишь пожал бы плечами. Или, в крайнем случае, пробормотал: «Середина ничего. Просто – Середина, и всё». Но никто не задавал такого вопроса. Все, кто общался или мог бы общаться с Орленом, прекрасно знали, что Середина – всего только название планеты, на которой они живут. Кто так назвал её и почему – сведений история не сохранила. Да какая разница? Бывают названия куда глупее, и ничего...»

© Михайлов В. Д., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Владимир Михайлов	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Владимир Михайлов Эвтанатор

Местом обитания Орлена Кордо в те дни была Середина.

Если бы его спросили: «Середина чего?» – он лишь пожал бы плечами. Или, в крайнем случае, пробормотал: «Середина ничего. Просто – Середина, и всё». Но никто не задавал такого вопроса. Все, кто общался или мог бы общаться с Орленом, прекрасно знали, что Середина – всего только название планеты, на которой они живут. Кто так назвал её и почему – сведений история не сохранила. Да какая разница? Бывают названия куда глупее, и ничего.

Это всё сказано просто так, для разгона. Потому что название этого мира в тех событиях, о которых пойдёт речь, не играет ровно никакой роли.

А играет – тот факт, что восемнадцатого змееносца (в серединском календаре месяцы назывались именами созвездий, а имена эти пришли из глубокой старины, хотя рисунок созвездий, естественно, не имел ничего общего с теми, древними: точка зрения на Галактику на Середине весьма сильно отличалась от терранской), да, восемнадцатого змееносца Орлен Кордо намеревался скромно отметить день своего рождения. Какой по счёту – он никому не говорил, поскольку никто его и не спрашивал. Орлен был человеком не очень общительным – и по характеру, и из-за того, что на Середине он появился относительно недавно и до сих пор не обзавёлся даже одним-двумя приятелями. Люди не спешили с ним сблизиться – скорее всего потому, что его профессия или, вернее, та работа, которой он занимался, как-то смущала и даже отпугивала. Предрассудки живучи, можно даже, наверное, сказать – бессмертны.

Так что свой некруглый юбилей Кордо собирался отметить в одиночестве. Он считал, что такой способ празднования имеет, как минимум, два больших преимущества: меньше затрат на угощение, а также (что ещё важнее) не приходится нервничать и переживать, что кто-то из приглашённых не явится – а это всегда обидно.

Собирался он провести этот персональный праздник вполне нормально. Кордо заблаговременно договорился с координатором Комитета добрых услуг – учреждения, в котором служил, – что в этот день не явится, отработав, если потребуется, в любое другое время. Следовательно, мог с утра всласть побродить (погоду сулили хорошую) по любимым местам за городом, где природа казалась как бы совершенно не придушенной достижениями цивилизации, а потом пообедать дома. Обед был своевременно заказан в ресторане «Релакс», известном прекрасной кухней, и его должны были доставить к условленному часу. На вечер Орлен отложил две хороших записи любимой музыки, слушанием которой он и собирался завершить знаменательный день. И, казалось, никто и ничто не сможет ему помешать.

Однако же смогло.

Среди многих явлений, способных поломать даже самый лучший план, следует, вероятно, выделить шесть: стихийное бедствие, война, политический переворот, болезнь, несогласие жены и распоряжение начальства.

Погода с раннего утра была прекрасной. Войны как не предвиделось, так и не состоялось. О политических переворотах на Середине вроде бы не слыхивали, и в этот день тоже не пришлось услышать. На здоровье Кордо не жаловался, оно было в полном порядке. Жены у него, как считалось, никогда не было. Хотя не исключено, что когда-то, где-то, может, и была, однако здесь и сейчас не только жены, но и вообще близкой женщины у него не было – это известно совершенно точно.

Что же остается – распоряжение начальства?

Оно. Вы угадали.

Прозвучал вызов – и вместо наслаждения пейзажами пришлось срочно, как на пожар, переодеться и катить на улицу Голубых туманов, дом номер шестьдесят четыре, всем известный, с табличкой у подъезда: «Комитет добрых услуг».

Вестибюль. Лифт. Коридор. Дверь.

А за нею – пресловутый ковёр, оказаться на котором, по мнению опытных людей, считается очень дурной приметой. Потому что сходишь с ковра чаще всего уже не тем человеком, каким ступил на него. А сильно уменьшенным.

И много потерявшим в весе.

Не про нас с вами будь сказано.

Координатор Эстел Варан по первому впечатлению был настроен не только не сурово, но даже весьма доброжелательно. За пазухой никаких камней вроде бы не просматривалось. И начал он, как ни странно, не с претензий, а, хотя трудно это представить, с извинений.

– Орлен...

«Орлен», а не официальное «доктор Кордо»! Хороший признак. Можно мысленно перевести дыхание и приободриться.

– Ты прости, что пришлось нарушить обещание, подпортить тебе знаменательный день. Поверь, при первой возможности компенсирую.

Орлен ответил на это так, как и следовало, независимо от того, что он думал и чувствовал на самом деле:

– Да ну, шеф, это ведь, надеюсь, не последний мой день рождения.

Варану это явно понравилось. Вот бы и все так отвечали начальству.

– Просто не было другого выхода. Сам понимаешь: ты ведь у нас один. Верно?

Тут даже подтверждения не требовалось: Орлен Кордо действительно был один-единственный. Что называется, штучный товар.

– Понимаешь, пришёл запрос с самого верха. Даже, как бы это сказать, не запрос, а просьба. Есть срочная надобность в твоей услуге.

Орлен невольно нахмурился.

– С верха? Но ведь там, насколько я могу судить, ничего такого... Или меня не информировали?

– Нет, нет, что ты. Слава богу, всё в порядке, лучше не бывает. У нас. Но наш верх в данном случае лишь передаёт просьбу их коллег – скажу уж сразу – с Эвана. Подробности не знаю, мне самому их не сообщали. Но кому-то там ты нужен. Как я понимаю, они пытались до последнего обойтись... без этого. Но, видимо, никаких надежд больше. Вероятно, он – или она – настойчиво требует. Не нам с тобой судить. Отказать нет возможности – хотя бы потому, что сама наша сущность нарушилась бы. Да и просто – мы же гуманисты, в конце концов. В общем, я сказал, что ты вылетишь сегодня же. У тебя есть пара часов на сборы. Возьми всё, что может понадобиться...

– Легко сказать, – проговорил Орлен озабоченно. – В чём там дело – известно? Хотя бы в общих чертах? Чтобы не тащить с собой лишнего. И на чём лететь? На внеурочке вряд ли получится с моей кухней: она у ВВ под запретом. Кто организует доставку? У меня ведь это, сами знаете, первый случай с выездом в другой мир. Эван... Что-то я о нём слышал – не помню только что.

– Не беспокойся о мелочах. Я уже распорядился, всё делается. Да, ВВ действительно отпадает: я попытался было добиться исключения для твоего арсенала, но они ведь – контора галактическая, наше управление адресуется к центральному начальству, а это означает, что недели две уйдут на одно лишь согласование! Да и тогда неизвестно, согласятся ли они: им

нравится показывать свою власть. Так что полетишь на специальном корабле, чартерный рейс, будешь чувствовать себя королём или президентом.

Орлен фыркнул, но перебивать не стал.

– Что касается Эвана, тебе на борт доставят справочники, записи, всё, что понадобится. Что морщишься? Что тебе не нравится? Есть пожелания? Говори, не стесняйся.

– Просто не люблю летать. Думал, что уже налетался на всю жизнь. Но, конечно, в таком положении... выбирать-то не из чего. Где это вообще, далеко?

– Сейчас покажу. Смотри. Всё очень просто. Единственно, уже там, после выхода из Простора, придётся сделать не очень большой крюк – вот здесь обойти кусочек пылевой туманности, звёздники в неё не заходят, им запрещено. В общем, прибудешь на место в конце третьих суток или, самое позднее, в начале четвёртых. Да! Ты вполне можешь свой праздник отметить там, на борту, – никто не помешает.

– У меня обед заказан, но, боюсь, в космопорт они не захотят доставить.

– Захотят как миленькие. Но и мы тебе подбросим чего-нибудь. Представляешь, какая у тебя возможность: празднуй хоть трое суток подряд! Только в конце, понятно, будь в форме. Не забудь, ты там будешь представителем Середины! Золотой Середины, я бы сказал.

– Что, разве там нет нашего посольства?

– Есть. Так что о наших дипломатах и политиках эване представление имеют. А ты там будешь представителем всей нации.

– Я тут всего только...

– На тебе это не написано. То есть вообще-то написано, и мы тут прочитать можем, а они там такого алфавита не знают. Так что не тревожься. Сейчас приготовь всё, что возьмёшь, если понадобится заехать домой – обеспечу доставку. Одним словом...

– Да, надо захватить с собой бельишко, рубашки, пижаму, всё такое. Интересно, надолго я там засяду?

– На столько, на сколько понадобится. Чтобы там осталось наилучшее впечатление – о тебе, а значит, и о Середине. Чтобы она там действительно отсвечивала золотом. Свершится всё, как должно быть, – возникнут у тебя, Орлен, прямо-таки неожиданные перспективы!

– Ладно, шеф, вы и без того меня уговорили.

– Рад, что не пришлось в тебе разочароваться. Да, слушай. Я, конечно, не хочу вмешиваться в твои личные дела: это – святое. Но всё же... Скажи откровенно: может, есть кто-то, кого ты хотел бы взять с собой... как сопровождающего? Ты ведь, наверное, на свой праздник пригласил кого-нибудь?

– Ни души. – Орлен невольно улыбнулся.

– Ну, в таком случае... послать с тобой секретаршу? Могу найти очень хорошую.

– Интересно, а зачем она мне?

– Странно. Ты человек во цвете лет, вроде бы всё у тебя на месте и в порядке... или нет?

– В полном, – успокоил координатора Орлен. – Просто я с людьми схожусь тяжело и очень медленно. С женщинами в особенности. Три дня – для меня они равны нулю. Так что спасибо, но не нужно. Мне легче одному.

– Ну смотри. Тебе виднее. Иди, собирайся. Документы тебе уже готовят.

– Счастливо оставаться, шеф.

С ковра – в дверь, дальше – коридор, лифт, но не вниз, а на восемь уровней выше, в своё хозяйство. Не очень заметная дверь в конце коридора, так что мимо никто не проходит, этого места достигают только те, кому действительно нужно. На двери или близ неё ничего не написано, только белая табличка, на которой странное изображение: два глаза и повыше – кисть руки, обращённая ладонью к стене. Кому надо – понимают, что значит эта картинка. А кому не надо – дай им Бог не знать и до самой смерти.

Чтобы перепрыгнуть через что-нибудь высокое или широкое, рекомендуется сперва отступить подальше от препятствия, потом как следует разбежаться – и тогда уж сигать.

Последуем разумному совету и попятимся. Отдалимся хотя бы на несколько лет. Всё, всё. Остановились. Осмотрелись в поисках интересующего нас Орлена Кордо. Увидели? Похоже, что да. Где? И что именно?

Увидели скромный номер в гостинице космопорта. Она расположена напротив главного корпуса космовокзала, на крыше которого светящиеся литеры образуют слово «Урган». Это, надо полагать, название мира, в котором мы оказались.

В номере – нужный нам человек сидит на кровати, перед собой поставил стул и пользуется им, как столом, поскольку стола здесь нет. На стуле Орлен установил портативный мемом-блок и внимательно, вдумчиво рассматривает тексты и изображения, возникающие на дисплее. Иногда пролистывает быстро, порой же возвращается к только что отвергнутому и снова вглядывается, покачивая головой, то ли сомневаясь, то ли думая при этом о чём-то совершенно другом.

Подглядывать нехорошо, но иногда полезно. Нарушим этические нормы и попробуем заглянуть поверх его плеча.

Сейчас на дисплее как раз интересный кадр. Изображение специального объявления – из тех, которые начинаются со слова «Разыскивается!».

ВСЕГАЛАКТИЧЕСКИЙ РОЗЫСК! Разыскивается Галактиполем злостный нарушитель законов, бывший оператор службы спасения из мира Симон, по имени Орлен Кортон. Все обладатели любых сведений о его местопребывании обязаны немедленно сообщить об этом в ближайшее подразделение планетарной или космической полиции. Вознаграждение гарантируется государством!

Так и написано: через три «м». Это манера Галактипола: чем важнее ожидаемое сообщение, тем больше букв «м» в слове. Потому что с неё начинается и «моментально!», и «мгновенно!», и «молниеносно!»...

И тут же, естественно, изображение скрывающегося Орлена Кортон. Напоминает кого-то, не правда ли? Похоже, на изменение внешности у этого человека не хватило то ли денег, то ли времени, а может, не оказалось врача, которому можно было бы доверить своё лицо. Скорее всего – и то, и другое, и третье.

Это, между прочим, говорит о том, что настоящим преступником Орлен Кортон вряд ли являлся. Что бы он там ни натворил. У профессионала нашлись бы и деньги, и врач – вообще всё, что нужно. У профи всегда есть команда. У Кортон её, похоже, не оказалось.

Интересно, кстати, что же он такого натворил? Украл? Убил? Изнасиловал? Или, не приведи Господь, замышлял что-нибудь против власти – того же мира Симон, а то и... нет, даже подумать об этом страшно. Нет, нет. Он не похож на заговорщика. Хотя внешность, как известно, бывает обманчива. И вот ещё маленькая несуразность. Полицейская ориентировка, судя по дате, трёхмесячной давности. В то время как...

А впрочем, зачем что-то смотреть, зря терять время? Вы разве не заметили, что на плакатике – наискось – красная наклейка, на которой большими буквами: «ЗАДЕРЖАН!»

Снова кинем взгляд на дисплей. Что нового там нарисовалось?

Нам повезло: как раз то, что нужно.

Скопировано сообщение газеты из Большой сети.

СЕНСАЦИЯ НА УРГАНЕ! Побег Коры Ганг через полчаса после вынесения ей приговора! Преступница, задержанная и судимая на Ургане, необъяснимым образом исчезла из здания

политического суда в Ургополе, едва только её перевели из зала судебного заседания в помещение, откуда её должны были забрать представители властей для препровождения в место заключения для отбывания пожизненного срока. Наш судебный корреспондент оказался свидетелем внезапно возникшего задымления. Немедленно прибывшая команда спасения, возглавляемая маджором Ореном Кортонем, за несколько минут справилась с ситуацией, обезвредив химическую мину. Однако когда видимость в помещениях восстановилась, охране пришлось констатировать, что преступница более не находится в здании суда. Скрылась, не оставив ни малейших следов. Одновременно исчез и м-р Кортон. Случайное совпадение? Стал ли офицер жертвой или соучастником? Общество с нетерпением ожидает объяснений от соответствующих органов и служб.

И тут же, естественно, портрет женщины. Не очень качественный. Молодая, достаточно миловидная – большего сказать нельзя.

М-да. Уже интересно. Когда это произошло? Ого, почти полгода назад.

Не слабо. Что же было дальше? Сеть наверняка возвращалась к этой теме.

Возвращалась. Но чем дальше, тем мимолётней. Через месяц: «Вчерашнее сообщение из мира Соргу о следах г-жи Ганг, якобы обнаруженных на этой планете, к сожалению, не подтвердилось. Президиум полиции Соргу официально опроверг опубликованную информацию, источник которой так и остался неназванным. Где же обещанная прозрачность деятельности служб?» Ещё несколько сообщений с интервалом от двух недель до месяца – всё в том же духе: показалось, что где-то увидели – в разных концах Галактики, но то ли она ухитрилась снова скрыться, то ли информаторы обознались. И сенсация вполне закономерно перешла в категорию сперва висящих, а потом и вовсе позабытых. Не то чтобы повсеместно в Галактике воцарился мир и полная благодать. Такого никогда не бывало и не будет. Но имя Кору Ганг в этой связи нигде не всплывало. Впрочем, за полгода многое могло произойти. За это время можно, например, много раз умереть. Хотя обычно и одного раза хватает.

А о докторе Орене и вообще никто не вспоминал. Забыли накрепко.

Не очень-то верится. Все могли забыть. Но только не Галактпол. Его компьютеры затверждают всё и навсегда. Власть не спит.

Что там доктор Кордо рассматривает на этот раз?

Ещё один интересный текст. Тоже шестимесячной давности. «Была ли Кора Ганг вообще преступницей? Насколько убедительны доказательства обвинения? Почему подсудимая так и не была публично допрошена по делу? Она отказалась давать показания или?.. Бежала ли г-жа Ганг или была похищена? Последнее кажется наиболее вероятным. Если да – то кем? Поскольку...»

Какая жалость: текст исчез, потому что доктор Орлен Кордо переключил память на другую документацию. Теперь она касается уже не безжавшей женщины, а вновь маджора Кортоня. Это нечто вроде послужного списка, который вёлся, вероятно, самим офицером. Очень скудные записи: когда, где начал работать, кем, когда закончил. Всё. Никаких «почему» и «зачем». Просто. Но – любопытно.

Список начинается как раз полгода с лишним назад. И в нём нет ничего о работе Кортоня в службе спасения. То есть начало его логично связать именно с датой исчезновения Кору Ганг и самого Орена Кортоня. Что же происходило с человеком после этого?

«Самбора. Февраль – март: строительная фирма „Монуман“. Монтажник электрических систем. Апрель – лайнер „Зелёная Звезда“, компания „Марида“. Палубный матрос. Май: там же – помощник капитана по работе с пассажирами».

Здесь, как видим, он оперирует календарными данными, принятыми в большинстве населённых миров. Но не проставляет дат – скорее всего потому, что сам запомнил их навсегда, а о других, о нас с вами, и не думает. И вообще-то правильно делает.

«Линта. Апрель – май: 17-я ветеринарная клиника в столице. Ассистент.
Зенон. Май – июнь: 21-е шоссе, подметальщик-оро-ситель.
Имода – та, что в Раке. Июнь – июль: капитан трансзвёздной прогулочной яхты «ЗБ-18».
Похоже, у этого человека широкий набор профессий.
«Сергиус. Июль – ...»

Весьма прискорбно. Кем был Орлен Кордо на Сергиусе, мы, видимо, так и не узнаем. На этот раз Орлен Кордо в нашем воображении совсем выключил мемоблок. Похоже, закрыл его. Возможно, снова собрался в путь. Однако мы всё же успели выявить некоторые, так сказать, тенденции в его действиях.

Заметили? На одном месте он с течением времени задерживается всё меньше. А если взглянуть на проекционную карту Галактики, то невольно бросится в глаза, что он перемещается во Вселенной как бы по спирали – по кривой, всё дальше от центра, и расстояния между посещаемыми им мирами становятся всё больше. Похоже, у него земля начинает гореть под ногами всё быстрее.

Вот такой мысленный экскурс совершили мы с вами. Вместе с доктором Кордо. Кстати, а его-то почему всё это интересует? Ох, не догадаемся; где уж нам с вами! Тут знаете, какая пронизательность нужна?!

А в это время доктор медицины Орлен Кордо из Комитета добрых услуг быстро и сосредоточенно отбирает в своём хозяйстве всё, что, по его мнению, может понадобиться на Эване при выполнении его профессиональных обязанностей.

Что он намерен взять с собой? Знаете, ничего особенного.

Солидный запас инъекторов. Всяких: и старых, игольных, и современных импрессоров. Несколько коробок с ампулами, на которых привычные обозначения и названия заменены какими-то символами, чей смысл, надо думать, доктору Кордо ясен. Какие-то средства для орального приёма. Набор хирургических инструментов, весьма современный – электронники больше, чем инструментальной стали. Кислородные маски, какие используют иногда для тяжело больных. Хотя точнее было бы сказать: «газовые» – по ним ведь можно подавать не только кислород. Ну, в конце концов, он доктор медицины, почему бы и нет?

Что ещё возьмёт он в дорогу? Кристаллоплеер. Несколько видео- и аудиокристаллов. Что на них – фильмы, симфонии? Репродукции великих полотен – тех, что можно без устали разглядывать часами, уходя в них, живя в них и учась жить? Записи не менее великих книг и поэм – чтобы скрашивать часы досуга? Или, может быть, для воздействия на чью-то психику? Ведь и такое бывает, и кристаллы, случается, заключают в себе какие-то секреты. Такие времена: эпоха высочайших технологий. Не всегда, правда, гуманных. Ну, а низкие технологии что, были гуманнее? Нет? Вот и мы так же думаем.

Гуманность, кстати, может проявляться очень по-разному. N'est-ce pas?

Орлен аккуратно, сосредоточенно уложил отобранное в два чемоданчика. Металлических. Надёжных. Бельё и предметы туалета уже не столь сосредоточенно запихнул в сумку. Застегнул, защёлкнул, запер. Остановился посреди помещения, медленно обвёл глазами, как бы размышляя – не позабыл ли чего. Сделал шаг. Снова постоял в неподвижности. Пожал плечами. Решительно подошёл к дверце стенного шкафчика, из которого до сих пор ничего не доставал, даже и близко не подходил. Да и что там могло храниться, кроме каких-нибудь салфеток и разовых перчаток? Дверца с виду была лёгкой, в наше время сказали бы – «фанерной». Только замок внушал уважение. Набирая код, Орлену пришлось потерять ещё несколько минут. Наконец он распахнул дверцу. Под «фанерой» оказалась стальная подкладка, сантиметров пятнадцать толщиной. В открывшемся небольшом пространстве стояли инструменты – не хирургические, а из другого набора. Тоже очень современные. Немного подумав, доктор выбрал три и уложил в сумку. Чартерный полёт под эгидой Комитета ДУ – следовательно, досмотра не будет ни здесь, ни, надо полагать, на Эване. Впрочем, может быть, их и не пона-

добится выносить с корабля. Они вообще вряд ли пригодятся. Но с ними как-то спокойнее на душе.

Теперь действительно было всё. Орлен позвонил. Вошёл служитель, повинувшись кивку, подхватил чемоданчики и сумку. Внизу скользун в нетерпении уже рыл землю копытом.

Но не бывает так, чтобы, собираясь, чего-нибудь да не забыть. Вот и сейчас: всё взял, а кристаллы с записями забыл. Растяпа. Наверное, какая-то важная мысль его отвлекла.

Кстати, у скользунов не бывает копыт, вы разве не знали?

Корабль Орлену понравился – во всяком случае, судя по той улыбке, что промелькнула по его лицу, когда он вылез из кабины скользуна в двух шагах от корабельного трапа. «Дауд». Классная яточка. Похоже, хотел даже что-то сказать, однако промолчал. Наверху, в проёме люка, его встретил капитан, он же пилот. И он же – инженер. Видимо, статус пассажира не требовал наличия полного экипажа. А уж кораблю и одного капитана было многовато. Машина сама с собой прекрасно справлялась.

Кордо это не смутило. Ответив на традиционное приветствие и пожав руку капитану, а также выслушав приглашение чувствовать себя в пассажирских апартаментах как дома, он проговорил:

– С вашего позволения, мастер, я хотел бы лететь в кресле второго пилота.

На что капитан ответил:

– Прискорбно, но такого права у вас нет. Да и ко-пилот мне абсолютно не нужен.

– Право есть. Убедитесь, будьте любезны. А что, у вас стоит КП-4М? Давно?

– Ладно, – согласился капитан. – Садитесь, если так.

– Благодарю. Только засуну мои сундуки в челюсти.

И уже через минуту Кордо занял разрешённое место. Капитан внимательно наблюдал за тем, как пассажир усаживался – следил, не поворачивая головы, краем глаза. И сказал – но не Орлену, а в микрофон, центру:

– Я «Дауд», прошу разрешения на старт.

– «Дауд», старт разрешаю. Чистого пространства, свободного Простора, мягкой посадки.

– Благодарю. Спокойной вахты.

Вот и все формальности. Антигравы включились охотно, даже как бы с радостью.

Похоже, что у дежурного выпускающего на космодроме была лёгкая рука. Так что и пространство оказалось чистым, и (после прыжка) Простор – свободным от помех. Не рейс, а прогулка. Так бывает далеко не всегда. Но вот – повезло. Даже скучно как-то. Никаких переживаний, ни малейшего азарта. Хотя профессионалов как раз это и радует, в отличие от, скажем, туристов. Тем обязательно нужно что-то такое, о чём можно будет потом рассказывать, местами понижая голос до шёпота и делая страшные глаза. Чтобы слушателям, а главное – слушательницам приходилось раскрывать рот и даже забывать дышать.

А что касается Орлена, то он своим поведением доказал: он никак не турист, а если и пассажир, то достаточно опытный. Уже вскоре после установки на курс он задремал в кресле. Или, может быть, просто закрыл глаза, чтобы ничто не отвлекало от мыслей. Если, конечно, у него было, о чём подумать.

Насчёт Орлена – не знаем, не уверены. А вот по поводу разыскивавшегося Орена Кортона было о чём поразмышлять.

Вот хотя бы: этот его образ жизни, заключающийся в постоянном перепрыгивании с места на место, из одного мира в другой, – чем он вызван? Стремлением уйти от розыска? Звучит убедительно, но лишь на первый взгляд. На самом же деле, если вам нужно затаиться,

то вы вряд ли станете излишне суетиться. Власти подобны тем шести- или четвероногим, что реагируют на движение, а пребывающих в неподвижности просто не замечают или же замечают с трудом и далеко не сразу.

То есть залечь на дно, поменьше суетиться, стараться не всплывать и осторожно, лишь в меру необходимости, шевелить жабрами – вот наилучший образ действий или, точнее, бездействия. Если же вы начинаете воображать себя летающей рыбой и поступать соответственно, то никто не поставит на вас даже медяка.

Орен Кортон производил впечатление человека не самого глупого. И достаточно опытного. Отчего же он делал столько глупостей?

Хотя... Нам ведь известны факты. Из них мы делаем свои выводы. Но сам факт – не главное, куда важнее его интерпретация. Истолкование. Объяснение. И пусть сам факт неоспорим – неверное его истолкование может увести нас далеко от истины. Очень далеко.

Нужны примеры? Представьте себе такую картинку. Идёте по улице и замечаете, что по противоположному тротуару движутся два человека навстречу друг другу. Один, судя по облику, – хорошо накачанный здоровяк, какому, как говорится, и чёрт не брат. Другой ему уступает по всем статьям: и ростом, и весом, и шагает не столь уверенно. Из тех, кто, завидев впереди возможный источник неприятностей, спешит перейти на другую сторону улицы. Этот же, видимо, не умеет оценивать обстановку и продолжает сближаться с силачом. Так что вы невольно начинаете сочувствовать хлюпику. И уже почти решили окликнуть его, чтобы предупредить, жестами показать: давай побыстрее сюда, мало ли что взбредёт в голову мужику, в котором силушка играет и ищет выхода. Он вдруг возьмёт, да тебя одним пальцем и...

Но вы не успеваете. Прохожие поравнялись друг с другом. И вот тут возникает факт.

А заключается он в том, что слабый вдруг разворачивается и выдаёт встречному хороший крюк в челюсть. Конечно, на нокаут у драчуна силёнок не хватает. И всё же здоровяк останавливается. Безусловно, в некотором удивлении. Но и хлюпик, против ожидания, не пускается наутёк. А тоже стоит, приподняв голову, чтобы смотреть здоровяку в глаза. И тут же наносит ещё удар. Тоже плотный. Немая сцена.

Противостояние продолжается две-три секунды. И вы успеваете невольно закрыть глаза, поскольку не хотите видеть того, что произойдёт сейчас с забиякой, – того, что от него останется на тротуаре после ответного движения силача.

Но любопытство сильнее страха. И вы снова поднимаете веки.

Самое время, чтобы увидеть: получивший удар человек делает шаг назад. И следующий – вправо. Сайд-степ. Словно танцует фокстрот без партнёрши.

То есть обходит нападавшего и торопливо уходит, можно даже сказать – убегает, продолжая свой путь.

А второй участник этой сцены ещё несколько секунд стоит, провожая убегающего взглядом. Потом поворачивается и тоже продолжает двигаться в прежнем направлении. Инцидент исчерпан.

Вот факт, который вы видели собственными глазами. А что он значит? Попробуем истолковать его. И сразу столкнёмся с возможностью вариантов.

Один: шёл по улице физически хорошо развитый, но добродушный человек. А навстречу ему – закомплексованный по поводу своих физических недостатков тип. Создающий себе желаемое настроение при помощи хорошей выпивки, а то и того хуже – наркоты. Здоровяк, с которым он сближается, ему незнаком, но уже сама картина физического благополучия и превосходства делает его врагом слабого. Маленький, неспособный сейчас рассуждать здраво, позволяет возобладать своей ненависти ко всем, превосходящим его, и напасть. Ударить. От души. Вложив в удар всего себя. И бьёт. И готов ударить ещё раз и ещё, а там – будь, что будет.

Прохожий, получив совершенно неожиданный и незаслуженный удар, несколько секунд находится в состоянии лёгкой оторопи. Ему сейчас надо принять решение – быстрое и правильное.

Он может ударить в ответ. И ответ этот окажется убедительным. Но сознание своей силы, своего превосходства и то добродушие, какое бывает свойственно именно сильным людям, не позволяют ему сделать это. Человек этот не любит бить слабых, по его представлениям, это недостойное дело, оно унижает силу, она – для достойных, а не петушков-недоумков.

К тому же, заглянув в глаза обидчику, он понимает, что тот не в себе. Не отдаёт отчёта в своих поступках. Не способен ни понять, ни оценить. И его нельзя сейчас провоцировать на дальнейшую агрессию.

И обиженный принимает решение: нужно прервать контакт, не оставить драчуну возможности продолжить. Людей поблизости нет, и пьяный (или обколотый) не может создать угрозу ещё кому-то. Обиженный просто обходит противника и уходит. У него срочные дела. Не будь их, он, может быть, просто сгрёб бы драчуна в охапку и доставил в полицию. Однако сильный представляет и то, как обойдутся там с доставленным нарушителем порядка. Нет, пусть он лучше доберётся до своего жилья, проспавшись, придёт в себя и, возможно, даже не будет помнить происшедшего.

Это был первый вариант. Хулиган нападает на случайного прохожего. Но не последний.

Вот и второй: по улице идёт человек, обычный горожанин, не качок, не спортсмен, просто служащий невысокого ранга. У него горе: его совсем ещё юную и неразумную дочь совсем недавно соблазнил, совратил или просто изнасиловал тупой боров, куча мускулов. Человек ещё не пришёл в себя после этой трагедии, ещё не решил: будет ли заявлять в полицию, поскольку это связано с оглаской – бедная девочка! Да и станет ли полиция заниматься этим всерьёз, или возобладает мнение, что насилия не было, а все по обоюдному согласию и девушка уже совершеннолетняя, так что состав преступления не усматривается...

Он идёт в таких переживаниях и вдруг осознаёт, что насильник – вот он, идёт навстречу. Видит его и, похоже, даже усмехается.

Будь у отца оружие – сейчас он наверняка применил бы его, нимало не задумываясь о последствиях. Но у него нет оружия. Ни при себе, ни вообще. Он его никогда и в руках не держал.

Может быть, он схватил бы какой-нибудь камень. Булыжник. Но их тут просто нет. Нет ничего, чем можно было бы воспользоваться.

Однако он не может просто пропустить мимо нагло ухмыляющуюся тушу. Он не боится последствий. И поравнявшись – бьёт. Сильно. Он даже и не знал, что способен на такое. Смотрит, тот пошатнулся. И – испугался!

Ударить ещё раз!

Бьёт. И готов ещё и ещё...

А насильник растерялся. Он не старается оценить положение. Его рассудок не срабатывает, да и вообще – это не сильная его сторона. Сейчас он подчиняется инстинкту. Инстинкт же подсказывает: тот, мелкий, в данный момент сильнее. Намного. Потому что дух его сейчас необорим. А в любой схватке побеждает или проигрывает именно дух. И вступать сейчас в бой себе дороже. В том состоянии, в каком находится девкин папа, люди убивают голыми руками, даже не учившись этому. Великую силу даёт дух подлинной ненависти. Не меньшую, пожалуй, чем дух истинной любви.

И насильник убегает. Он по-настоящему испугался – в подобных делах инстинкт его разбирается безошибочно.

Оскорблённый поступил с подлецом как только мог.

Факт один, столкновений – уже два, могут быть ещё и другие.

Но нам уже не до них. Время вышло.

– Эван, я – «Дауд», прошу разрешения на внеочередную посадку.
– «Дауд», внеочередную разрешаю. Пятый сектор, стол двадцать три.
Простор был свободным, пространство – спокойным. Посадка – мягкой.

– Здравствуйте. С благополучным прибытием. Как прошёл полёт? Да, простите. Вы – доктор Кордо, я не ошибаюсь? Вы... э...

Господи, как смущаются люди, как отводят глаза, когда им приходится называть эту профессию вслух!

– Совершенно верно. Я эвтанатор, доктор Орлен Кордо.

– Да, разумеется. Я очень рад, то есть... Я хотел сказать...

Совсем запутался, бедняга.

– Отлично вас понимаю. Скажите, как мне вас называть?

– О, простите. Доктор Лавре Пинет, младший администратор Клиники. Рад приветствовать вас на почве Эвана.

– Клиники?..

– Я понял ваш вопрос, доктор Кордо. Конечно, другие учреждения такого профиля имеют какие-то названия. По месту расположения, или в честь основателя, или наших виднейших медиков... Все, кроме нашего. Мы – просто Клиника. С заглавной буквы. Пояснения никому в нашем мире не требуются. Однако что же мы стоим? Прошу в машину. Я вижу, ваш багаж крайне невелик? Впрочем, у нас есть всё, что может вам понадобиться в вашей... деятельности.

– Хорошая машина. Я бы даже сказал – шикарная. Чувствую себя польщённым.

– Ну что вы, доктор, что вы. Мы ждали вас, откровенно говоря, с таким нетерпением... даже были готовы выслать за вами специальный корабль. К счастью, у вас вошли, так сказать, в наше положение. А уж потом мы предоставим в ваше распоряжение...

– Благодарю, доктор Пинет, но этого делать не придётся. Корабль будет ждать меня столько, сколько понадобится. Нет-нет, я сяду сзади.

– Как вам будет угодно. Секунду – кресло подстроится под вас. Итак, вы полагаете, что сумеете сделать всё быстро?

– Опыт подсказывает, что клиентура в таких случаях не склонна к промедлениям. Я ведь выполняю её волю, не более. Конечно, если у клиента возникают сомнения или его состояние вдруг изменяется к лучшему... Но в таком случае я просто прекращаю работу, а вы снимаете заказ. Таков закон. Если же всё пойдёт нормально, то срок определён Всеобщей конвенцией об эвтаназии: мне предоставляется максимум недельный срок для того, чтобы поставить самостоятельный диагноз, а также использовать средства убеждения, дабы побудить больного отказаться от замысла. И наконец – прийти к соглашению с больным при выборе способа... исполнения его пожелания. После этого составляется протокол...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.